

СЕМАНТИКА СЕДЕЛЬНОЙ ПОДУШКИ В РАССКАЗЕ А. СЕРАФИМОВИЧА «СТЕПНЫЕ ЛЮДИ»

Русская литература всегда отличалась «всемирной отзывчивостью», обусловленной не в последнюю очередь геополитической ролью России в жизни народов ближних и дальних. На южнорусских землях веками сосуществовали разные племена и народности в состоянии войны и мира, союза и раздоров, дружбы и вражды. Рецепция и репрезентация чужого языка, культуры, вероисповедания, быта и обычаев отражала национальную идентичность «свой» – «другой». Отличительную особенность русской литературы С.И. Кормилов видел в том, что она «чрезвычайно гуманна, исполнена сочувствия к страдающему человеку, никогда не поэтизирует насилия (“гений и злодейство” для нее – “две вещи несовместные”), в том числе на войне» [1, с. 14].

Как подчеркивает Л.П. Егорова, выделяя традицию и инновации имагологии, «в XX веке изменились сами пути приобщения художника к инациональному миру, что не могло не сказаться на его художественной репрезентации, к нему теперь вели не только участь ссыльных “государственных преступников” (хотя и в первой половине XIX в. бывали исключения – путешествия Пушкина в Арзрум и на Урал), но и свободно выбранная дорога путешественника, исследователя. И это относилось не только к кавказским маршрутам, но и к художественному открытию других национальных регионов. Возросла и познавательная ценность художественных произведений в плане описания быта, нравов, поэтического творчества инородцев» [2, с. 33].

В этом плане примечателен рассказ А.С. Серафимовича «Степные люди», впервые опубликованный в третьем номере «Журнала для всех» в 1902 г. Этот рассказ, относящийся к раннему периоду творчества писателя, входит в группу произведений, посвященных южнорусской родине, действие которых происходит в донских степях, а герои – казаки, иной раз – иноплеменики (рассказы «Стрелочник», «Сцепщик», «В камышах», «Чибис», повесть «Пески», роман «Город в степи» и др.). Одним из поводов создания данного рассказа, как известно, стали воспоминания матери писателя: «...Она еще молодой жила в степи, ей там и рассказывали про этот случай. Она так ярко его передала, что я тут же сел и стал писать», – вспоминал Александр Серафимович [цит. по: 3, с. 621].

Рассказ состоит из четырех частей. Из них центральной является третья часть – встреча Ивана Чижикова в степи со старухой-калмычкой, его борьба за жизнь после нападения, когда та, зааркавив казака, хотела его столкнуть в колодец. Экспозицией к главному событию стала первая часть, в которой описана эпизоотия в Предкавказье, когда чтобы спасти рогатый скот, были выставлены ветеринарные кордоны. На посту у Соленого Колодца нес службу казак Иван Чижиков с двумя товарищами. «Кругом на сотни верст ни жилья, ни поселения, ни хуторов. Голая солончаковая степь тянется без конца и края с бугра на бугор, по балкам и оврагам. *Изредка вдали зачернеет кибитка, с калмыками-табунщиками, да пройдет косяк степных лошадей*» (курсив всюду наш, кроме оговоренного. – Р.Х.) [4, с. 110].

Уже в экспозиции рассказа заявлены ключевые образы: пост Соленый Колодец, где действительно был колодец, черная кибитка, калмыки-табунщики, лошади. Ср. в рассказе А. Серафимовича «Сцепщик» (1898), где почти те же детали передают только фон жизни Макара: «*Мимо пробежал табун лошадей. Вдали маячили кибитки калмыков*» [5, с. 88].

Таким образом, поэтика заглавия анализируемого произведения включает в понятие «степные люди», во-первых, жителей края безотносительно их национальной принадлежности: это казаки и калмыки. Во-вторых, в контексте определения «степные» изначален вектор не только географический, природный, не цивилизованный, но и дикости, варварства, воинственности, учитывая хронотоп повествования – начало XX века, насильственное приобщение кочевого народа к оседлой жизни. В-третьих, множественное число «люди» способствует, с одной стороны, типизации происходящего, с другой – выражению авторского сочувствия главным героям: Ивану Чижикову и безымянной старой калмычке, за которыми стоят их семьи.

Когда подошел срок службы Чижикова, «собрал он свои пожитки и сумочку, зашил в тряпочку и повесил на гайтане на шею *тридцать семь рублей сорок девять копеек, собранные им за службу*; перекинул через плечо старую шинелишку, сумку, взял пику, *помолился* и отправился степью» [4, с. 118]. Эти подробности, заключающие вторую часть рассказа, важны для понимания последующих событий. Мотив денег, ведущий сюжет произведения, начинается во второй части с описания сделки между сторожевыми казаками и гуртовщиками, чтобы крупный черкасский скот прошел мимо Соленого Колодца, минуя ветеринарный кордон, где ветеринар не пропустит без большей мзды. Отсюда

указанная денежная сумма, собранная Чижиковым за службу. Сам он беден («старая шинелишка»), не имеет коня, на котором мог бы отправиться домой верхом, семья ждет кормильца, хозяйство которого «день ото дня расшатывалось и хирело» [4, с. 115], о чем сообщается в конце первой части. Верующий человек, он молится перед дальней дорогой, прося благополучного возвращения в родную станицу.

Пейзаж в третьей части рассказа открывается масштабной панорамой степи, враждебной одинокому путнику. «Среди бесплодного солонцеватого степного пространства, над которым стоит огромное, горячее, мутное небо, виднеется затерянная человеческая фигура.

Куда ни глянешь, везде истрескавшаяся сухая земля, горький, жесткий полынок, бурые обнаженные плешины глинистых солончаков, на которых ничего не растет. Сухой знойный ветер ходит по степи, и степь курится пылью, как пожарище. Уходя верхушками в молочное небо, ходят, крутятся, черные смерчи» [4, с. 118]. Пейзажные детали (пространство, небо, земля, трава, ветер, смерчи), эпитеты (бесплодное, солонцеватое, огромное, горячее, мутное, истрескавшаяся, сухая, горький, жесткий, сухой, знойный, черные), сравнение (пыль, как пожарище) подготавливают эпизод борьбы человека за жизнь при неожиданном для него покушении.

Вновь подчеркнута бедность одежды путника (старая шинель, холщовая сумка, форменная казачья фуражка, засаленная и затрепанная), снаряжение, которым он не успел воспользоваться (короткая черная пика).

«Неутолимая жажда мучает и палит» человека, перед которым время от времени возникает степное марево, «маня покоем, отдыхом и свежестью», «тает, и опять везде одна голая, сожженная, безлюдная степь» [4, с. 118]. «Идет он уже второй день. Второй день его немилосердно палит солнце, обжигает горячий ветер, ест пыль, и кругом, насколько глаз хватает, курится, как пожарище, степь» [4, с. 119]. От немилосердия природы казак спасается воспоминаниями о семье, предвкушая долгожданную встречу: «Приду домой, перво-наперво полведра старикам, ребятишкам гостинцев, бабе платок...» [4, с. 119]. Он прикидывает будущие расходы, хозяйственные нужды – перекрыть избу, прикупить бычков. «Как наяву, стоят базы, навесы, плетни, скирды» [4, с. 119]. Все это требует больших трат. Поэтому так поначалу обрадуется Чижиков, когда случайно обнаружит много денег в седельной подушке старухи, не подозревая об их фальшивости. Мотив денег в рассказе сопровождается мотивами несправедности, корысти (обман купца при закупке скота, в результате чего калмыцкая семья разрушилась).

Появление старой калмычки в степи показано автором через прием градации: черная точка на горизонте, нельзя разобрать – человек, лошадь или бугор; приближающееся темное пятнышко; всадник, мчащийся прямо на Ивана [4, с. 119]. Выяснилось, что это не всадник, а всадница: «Старая, в морщинах калмычка в синих штанах, с выбившимися из-под шапки жидкими седыми косичками...» [4, с. 119]. Портрет калмычки передает ее пожилой возраст (старая, в морщинах, жидкие седые косички), который контрастирует с ее будущими действиями, не соразмерными, казалось бы, с ее физическими возможностями. В описании прически героини отсутствует такая значимая деталь, как шиверлыки – матерчатые чехлы для двух кос замужней женщины; вид шапки не указан; верхняя часть одежды не упомянута, позднее появится ссылка на открытую грудь старухи. Это непонятно, поскольку для замужней калмыцкой женщины верхняя одежда всегда имеет закрытый вид (нижняя нераспашная рубашка с крупным воротником и острыми концами – *кишлг*, платье – *бюшмод*), т.е. грудь никогда не видна. Как поясняет историк Э.П. Бакаева, «штаны в качестве нижнего слоя одежды были обязательным элементом традиционного костюма как калмычек, так и ряда других тюрко-монгольских народов» [6, с. 166]. Женские штаны *шалвр* имели сходство с мужскими одноименными предметами одежды, которые, по свидетельству И. Житецкого, калмыки шили из нанки синего цвета или холста [6, с. 83, 75].

В восприятии Чижиковым старухи неизменными остаются главные маркеры, являющие, по Е. Замятину, интегральные образы: морщинистое лицо, синие штаны, седые косички, босые ноги. Сравним: «А старуха с диким воем неслась, подпрыгивая и хлопая *босыми ногами* по начинавшим уже взмываться бокам лошади. Она выкрикивала дикие слова, и горячий ветер трепал ее *широкие синие штаны, растрепанные косички жидких, седых, выбившихся волос...*»; «...пот, смешиваясь с грязью и пылью, сползал по ее загорелому, темному, как дубленая кожа, *морщинистому лицу* и падал на открытую, такую же дубленую грудь»; «Перед ним мелькнули выступившие из орбит круглые глаза, пожелтевшее, как лимон, *нарезанное морщинами лицо, синие штаны* и грязные, заскорузлые подошвы *босых ног...*» [4, с. 120, 122]. Из всего этноописания старой калмычки особое внимание привлекают ее босые ноги с грязными, заскорузлыми подошвами, с одной стороны, согласно автору, подтверждающие нищету, с другой – умение управлять конем. Но это деталь вступает в противоречие с ментальностью, т.к. взрослые калмычки не имели права обнажать ноги перед кем бы то ни было посторонним, тем более перед родственниками мужа, они не имели права входить в их кибитку без обуви и снимать ее там [7, с. 16-17]. Ведь «женщинам обычаи предписывали постоянное ношение обуви (босые ноги – верх неприличия), поэтому и летней формой обуви у женской половины общества являлись сапоги» [6, с. 117].